

Журнал продолжает публикацию заметок о неизвестных страницах отечественной лексикографии XX века. В первом номере за этот год (с. 13–22) была опубликована статья, посвященная попытке составления первого толкового словаря русского языка — русского «Лярусса». В этом номере мы хотим познакомить читателей с историей создания первого нормативного словаря советской эпохи — словаря под редакцией Д. Н. Ушакова.

О. В. Никитин

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В 1930-е гг.: БОРЬБА ИДЕЙ И ИДЕОЛОГИЙ (ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА)

OLEG V. NIKITIN

RUSSIAN LEXICOGRAPHY IN THE 1930S: THE STRUGGLE OF IDEAS AND IDEOLOGIES
(GLIMPSES OF HISTORY OF CREATION AND DISCUSSION OF "THE EXPLANATORY DICTIONARY
OF RUSSIAN LANGUAGE" EDITED BY D. N. USHAKOV)

В статье анализируются события в общественной жизни и науке 1930-х гг., имеющие отношение к проблемам филологического строительства. Одним из показательных эпизодов борьбы идей и идеологий того времени стал первый нормативный толковый словарь советской эпохи, вышедший под редакторством Д. Н. Ушакова. В работе приводятся сведения о составителях, их работе, разногласиях и т. д. Толковый словарь включен в контекст лингвистических дискуссий того времени. Подчеркивается, что он стал мишенью официальной маррвской критики. В статье приводятся уникальные документы, показывающие личности филологов в их живом человеческом облике, напряженность научных баталий, аргументы сторон. Приведенные факты свидетельствуют о неоднозначной ситуации в науке в 1930-е гг.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, марризм, полемика по вопросам языковой культуры, языковая политика, лингвистическая дискуссия 1935 года, толковый словарь, архивные документы.

The article analyses some events in the social life and scholarship of the 1930s, relating to the problems of the construction of linguistics. One of the notable episodes of the struggle of ideas and ideologies in that time was the publication of the first Soviet normative dictionary, edited by D. N. Ushakov. The paper gives information about the authors of the dictionary, their work process, differences of opinions, etc., in the context of the linguistic debates of the time, emphasizing the fact that the dictionary had become the target of official Marrist criticism. The author presents unique documents, showing the personalities of the scholars, tension of their battles, the arguments of the discussing parties. Represented facts are the evidence of ambiguous situation in the linguistics of 1930s.

Keywords: Russian language; lexicography; Marrism; the debate on the issues of language culture; language policy; linguistic debate in 1935; explanatory dictionary; archival documents.

1930-е гг. в истории советского языкознания стали бременем испытания во всех областях этой науки, истерзанной жестко внедрявшейся идеологией «коммунистического строительства». На развалинах старой академической традиции, практически уничтоженной за 10–15 лет, пытались создать новое направление в развитии гуманитарной сферы со своим «регламентом» и иными, отличными от подлинных научных и духовных ценностей ориентирами. Но все же в такой непростой и даже

Олег Викторович Никитин

Доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русского
языка и общего языкознания
Московский государственный
областной университет
ул. Радио, д. 10А
г. Москва, 105005, Россия
► olnikitin@yandex.ru

Oleg V. Nikitin
Moscow State Region University
Radio str., 10A
Moscow, 105005, Russia

трагической атмосфере ученые старшего и нового поколений сумели сделать много интересно и полезного, что уже удивительно. Активнее, чем в дореволюционные годы, стало развиваться формальное языкознание, получив почти повсеместное распространение в школе и вузе, велась большая работа по ликвидации неграмотности, в которой активно участвовали научные работники, появились новые социологические исследования (Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, Р. О. Шор, М. Н. Петерсон и др.), учебные словари (Н. Н. Дурново), осуществлялась интенсивная экспедиционная и изыскательская деятельность по диалектологии.

Одной из областей языкознания, которая довольно успешно и последовательно развивалась в эти годы и даже в чем-то противостояла «общей линии», была лексикография. В 1920-е гг. проводилась активная работа по созданию нового «Лярусса» [13; 15]. Еще в 1930-е гг. в измененной редакции выходил академический «Словарь русского языка», начатый Я. Г. Гротом и продолженный А. А. Шахматовым, создавались концепции нового толкового «Словаря современного русского литературного языка» и более популярного, массового одготомника (им стал знаменитый «Словарь русского языка» С. И. Ожегова), разрабатывалась идея исторического Словаря древнерусского языка.

Однако общая тенденция в языкознании, сложившаяся к концу 1920-х — началу 1930-х гг. при победоносном шествии марристов почти по всем направлениям, не была, конечно же, в пользу лексикографии, которую постоянно вовлекали в идеологические дискуссии (см. подробнее: [14]; в переписке В. В. Виноградова и Г. О. Винокура [12]). Не обошли они стороной Д. Н. Ушакова и сторонников его взглядов (в широком смысле).

Примечателен такой эпизод, почерпнутый из научной полемики того времени, как раз характеризующий отношение «идеологов» к традиционному и здравому пониманию практической стороны словарного дела. В. М. Алпатов пишет:

«Когда последний (речь идет о Н. Ф. Яковлеве. — О. Н.) опубликовал лексикографическую програм-

му для толковых словарей горских народов Кавказа и в разделе словника „Духовная культура“ 7% составили слова, связанные с послереволюционной эпохой, а остальное — названия предметов и явлений традиционной культуры, отсюда незамедлительно был сделан вывод, близкий к политическому обвинению <...>» [1: 102].

В печати появились статьи с характерными названиями «Индоевропеистика в действии» и «Очередные задачи марксистов-языковедов в строительстве языков народов СССР» и другие, содержавшие весьма нелицеприятную оценку вроде: «93% махровой поповщины» [9: 73]; «Нет того, чтобы заняться данным языком как орудием социалистического строительства для данного народа» [Там же: 74]. Тот же автор обвинил Н. Ф. Яковлева в «великодержавном шовинизме» [8: 98], а его работы сравнил с трудами «белогвардейского профессора бывш<его> князя Н. Трубецкого» [Там же: 99]. Вскоре нечто подобное лавиной обрушилось и на «Толковый словарь русского языка» [20; 21]. Так что и данная «прикладная» отрасль языкознания, в общем-то не претендовавшая на коренную ломку взглядов или какую-то особую позицию, находилась под перекрестным огнем разнородной критики.

Еще до выхода в свет I тома атмосфера вокруг ТС1 начала накаляться и в научных кругах. Настроения некоторых видных и влиятельных ленинградских ученых Б. А. Ларин охарактеризовал Д. Н. Ушакову в письме от 18 марта 1934 года:

«<...> мельком он (А. С. Орлов. — О. Н.) **неодобрительно отозвался** о нашем словаре. А когда я сказал, что наш словарь — своей орфографией — окажет огромное нормализующее и унифицирующее влияние, чуть он выйдет, — и что АН должна сейчас уже это учесть, <...> то на меня зашикали и Обнорский и Истрина и почти все члены комиссии. **Тон был такой, что „нам на В<аш> словарь наплевать“**» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 20. Л. 3 об.).

И это не единственная «дружеская» реплика в адрес Д. Н. Ушакова и его коллег по лексикографическому труду.

Словарной работой интересовался также и М. Горький, который в 1930-е гг. еще до выхода I тома ТС1, своими статьями на злободневные

темы языка выразил отношение отчасти и к нашей проблеме. Но раньше, в 1931 году, он направляет письмо О. Ю. Шмидту и Н. Н. Накорякову по поводу «Словаря литературного языка» следующего содержания (мы располагаем его машинописной копией без подписи на фрагменте листа, сохранившейся в архиве В. В. Виноградова):

Товарищам О. Ю. Шмит¹ и Н. Н. Накорякову

Уважаемые товарищи!

Простите, что я задержал ответ по поводу «Словаря литературного языка».

Материал, присланный Вами, просмотрен А. К. Виноградовым; я тоже просмотрел весь. Наши впечатления сходятся: в работе почти совсем отсутствует сегодняшняя живая речь массы, уже зафиксированная текущей литературой в лице ее наиболее крупных представителей: Леонова, Вс. Иванова и др. Нет Зощенко, Маяковского, Д. Бедного — людей весьма чутких к затейливой игре языка и «словотворцев». Нет нынешних технических речений, без которых текущая литература уже не обходится. Отсюда следует, что к работе следует привлечь литераторов, и я бы рекомендовал Леонова, Иванова, Тынянова, Груздева, Лаврухина, Маррианца. Со стороны редакционной было бы целесообразно давать групповые и семейные гнезда в подборку, а не разобщать их, — это, кстати, уменьшило бы и объем словаря. Виноградов советует смелее указывать латинские / греческие фундаменты необходимых слов, а также и на вторжение в наш язык восточных влияний. Сотрудничество литераторов бесспорно оживило бы словарь, суховатость его очень заметна.

Мой сердечный привет.

М. Горький

4 / IX 1931 г².

(Архив РАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. № 562. Л. 1).

Критика М. Горького, как мы видим, сводилась к тому, чтобы сделать словарь отражением современной эпохи (в нем «**почти совсем отсутствует сегодняшняя живая речь массы**»), и была направлена против «суховатости» издания. С другой стороны (и ученые впоследствии отклонили этот тезис), «затейливая игра языка», выраженная в авторских новообразованиях, не могла быть элементом нормативности литературной речи, а именно эту цель и преследовал Толковый

словарь. То же в значительной мере было отнесено и к узкоспециальным техническим терминам.

Как мы уже упомянули, М. Горький выступил в периодической печати по актуальным проблемам языка, вызвав тем самым еще до выхода в свет ТС1 полемику в общественных и научных кругах, а именно он обратился с резкой критикой литераторов, опошляющих родной язык ненужными, по его мнению, словечками. Это было в 1934 году. Тогда газета «Правда» опубликовала его статьи «О бойкости» и «О языке», добавившие пепла в огонь будущей дискуссии о ТС. Так, он, в частности, писал: «Нет никаких причин заменять слово „есть“ блатным словом „шамать“ и вообще вводить в литературу блатной язык» [5: 2]. Понимая важность ряда понятий и явлений прошлого и необходимость их отображения в произведениях, он считал, тем не менее, что «теологи насорили очень много слов, осмысленных ложью: бог, грех, блуд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т. д. Лживый смысл этих слов, — писал он в статье «О языке», — разоблачен, и хотя скорлупа некоторых, например[,] слова „ад“ осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом» [6: 2]. Как передовой писатель того времени он по сути ставил задачу изобретения нового языка, отличного во многом от того, что было прежде:

«В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры **пред нами поставлена задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама**». К нему он относил церковнославянизмы, некоторые областные и простонародные слова, вульгаризмы, аргю. На первый план выдвигалась идея борьбы «за очищение книг от „неудачных фраз“», которая приравнивалась к борьбе «против речевой бессмыслицы». «С величайшим сожалением приходится указать, — говорил писатель, — что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как: „мура“, „буза“, „волынить“, „шамать“, „дай пять“, „на большой палец с присыпкой“, „на ять“ и т. д. и т. п. <...> Зачем нужны эти словечки и поговорка» [Там же: 2].

После текста этой статьи в примечании «От редакции» «Правды» давалось следующее за-

ключение: «Всему фронту советской литературы, наряду с борьбой за высокий идейный уровень художественных произведений, с борьбой против враждебной пролетариату идеологии, надо крепко взяться за решение проблем мастерства, проблемы овладения ярким, красочным и богатым языком». Это была программа для дальнейшего действия, обязательная к исполнению. Заметим, кстати, что вводная статья «От редакции», помещенная в I томе ТС2, учла указания писателя и завершилась его регламентирующим тезисом о борьбе за качество языка [21: 5, т. I].

Вскоре после статей М. Горького журнал ЦК ВКП(б) «Большевистская печать» помещает в отдельном разделе «О языке» две заметки дискуссионного характера. В первой [4: 30] поднимается вопрос о низкой квалификации газетных кадров, куда «пробрались <...> и халтурщики». Автор задается вопросом: «Где учебники по русскому языку?» И после перечисления нескольких «вредных» пособий, протаскивающих «буржуазные теории», заключает: «<...> нельзя же учиться по книгам, извращающим большевистское учение о печати». А. Власов ставит задачу воспитания «газетного молодняка» и «борьбы за чистоту литературного языка», заявляя: «<...> почему нет толкового, политически и литературно грамотного учебника по газетному языку и по газетной технике. **Надо дать новый словарь** или переиздать толковый словарь Даля, словарь синонимов. К составлению этих учебных пособий нужно привлечь лучших мастеров слова».

В ответной реплике под названием «О советском толковом словаре» Н. Л. Мещеряков [11: 31], поддерживая злободневность проблемы, говорит:

«Нам нужен современный (разрядка автора. — О. Н.) словарь литературного языка и притом такой, в котором была бы достаточно сильно развита нормативная сторона <...>».

Далее кратко следует описание проекта издания ТС как «именно нового словаря», первый том которого планировалось выпустить не позже сентября 1934 года. Он подчеркивает, что это «необыкновенно кропотливая работа» и ведется она «небольшой группой высококвалифицированных филологов под редакцией проф. Д. Н. Ушакова».

Автор не без основания полагает, что «этот словарь окажет читателям большие услуги» и выдвигает мысль о составлении менее громоздкого малого словаря. К тому времени, по словам Н. Л. Мещерякова, уже был готов первый том (буквы А–К) и составлен второй (буквы Л–П). Все издание планировалось завершить к концу 1936 — началу 1937 года.

Из архивных материалов известно, что первоначально Толковый словарь решено было подготовить в двух томах, позднее объем словника был увеличен до трех и окончательно составил четыре тома [18: 455]. Об этом кратко сообщалось «От редакции» в предисловии к II тому: «В процессе работы материала на буквы Л–Я объем словаря увеличился, и поэтому редакция признала целесообразным расположить все издание в четырех томах» [21: 3, т. II].

Были и другие эпизоды борьбы идей и идеологий, которые косвенно влияли и на филологическую мастерскую словарников. Так, в «Литературной газете» в 1935 году также развернулась полемика о языке. Со статьями выступили Г. О. Винокур — «Стилистические заметки» (ЛГ. 20 марта 1935 г. № 28 (519). С. 4), Н. Кашин — «О новобразованиях в языке. По поводу „Стилистических заметок“ Г. О. Винокура» (ЛГ. 10 июня 1935 г. № 32 (523). С. 3), В. Б. Шкловский — «К спорам о языке» (ЛГ. 20 июня 1935 г. № 34 (525). С. 3), затем через некоторое время снова Г. О. Винокур — «Историзм и художественный вымысел» (ЛГ. 5 октября 1936 г. № 56 (619). С. 1). 20 октября 1935 года в центральной печати, в передовице ЛГ «Борьба за высокое качество — главное звено» говорилось (из речи А. Щербакова на расширенном заседании Президиума правления Союза советских писателей СССР): «Мы должны предъявить основное требование к критикам — овладеть чувством меры! Я прошу понять меня правильно. В критике у нас еще наблюдается такой крупный недостаток — или хвалят без меры или ругают без меры. Это неправильно. Вот этим чувством меры и надо критикам овладеть. Только такая критика может воспитывать и писателя[,] и читателя».

Все это, несмотря на отдельные устные выпады и письменные заявления некоторых литера-

торов и лингвистов, подготовило в целом благоприятную почву для выпуска в свет I тома ТС1, который, правда, скоро был фактически уничтожен цензурой (о проблемах, возникших при подготовке издания, см.: [14; 16]).

Обратимся теперь к самим участникам этого проекта. Основная работа по составлению словаря, выработке его принципов, стратегии всего издания лежала на молодых, но уже авторитетных ученых: В. В. Виноградове, Г. О. Винокуре, Б. А. Ларине, С. И. Ожегове и Б. В. Томашевском. Каждый из них был тонким специалистом в своей области, а все вместе, включая Д. Н. Ушакова, составляли единую команду «словароспецов», с увлечением, азартом и невероятной энергией погруженных в ответственное дело. Последним, по воспоминаниям С. И. Ожегова, примкнул к коллективу в 1930–1931 гг. Г. О. Винокур. Остальные (до 15 человек) начали практическую работу уже в 1928 году [18: 455].

Интересны прежде всего личности лексикографов:

«Душой дела, — писал он, — как я хорошо помню, были три человека с разнородными интересами, прекрасно дополнявших друг друга в таком универсальном начинании, как словарь, который должен был представлять универсальную характеристику языка (лексическую, стилистическую, грамматическую, фонетическую, орфоэпическую): Виктор Владимирович [Виноградов] с его острым интересом к семантической, стилистической структуре языка и прекрасный уже тогда знаток русской литературной речи в ее историческом развитии.

Дмитрий Николаевич [Ушаков] с его грамматическими и орфоэпическими интересами, исключительный знаток живой русской речи, литературной и диалектной.

Борис Викторович Томашевский, человек аналитического ума, прекрасный стилист, замечательный организатор, знаток русской литературы и зарубежного лексикографического опыта.

Мне думается, что именно им принадлежит главная заслуга в формулировании основных идей Толкового словаря» [Там же].

Здесь не упомянут близкий друг С. И. Ожегова Б. А. Ларин, который в 1930-е гг., помимо занятий Толковым словарем, вынаши-

вал собственный план организации издания Словаря древнерусского языка. Б. А. Ларин был первоклассным специалистом по диахронической лингвистике, знатоком стилистики; он тонко чувствовал образность языка отечественной словесности и в этом качестве был незаменимым сотрудником.

Близок к словарному делу был и Г. О. Винокур — один из талантливейших представителей Московской лингвистической школы. Начиная с 1933 года, помимо подготовки Толкового словаря, он сосредоточился на работе по созданию «Словаря языка А. С. Пушкина». С его широчайшим кругозором, глубокими познаниями в разных областях филологии и истории, требовательностью к себе, работоспособностью и преданностью делу обожаемого им учителя, думается, он оказался крайне полезным в таком деле.

Наконец, личность С. И. Ожегова занимала отнюдь не последнее место в таком ответственном предприятии, как составление словаря. Он был одним из ближайших помощников Д. Н. Ушакова, его, так сказать, правой рукой. Ему совместно с Г. О. Винокуром принадлежит грандиозный труд по пересмотру и обработке материала II, III и IV томов словаря, последний из них составлен ими же.

Об истории создания ТС сохранились лишь отрывочные сведения, но и они дают достаточно четкую картину происходивших событий:

«Толковый словарь начался на голом месте. Словник. Даль, Стоян. Новые материалы: мы читали газеты, военные уставы, политическую литературу, списки профессий НКТ³, сельскохозяйственный книжки и технические брошюры, *Цемент* Гладкова и стихотворения в прозе, фельетоны Кольцова и купеческие романы Лейкина.

Так был составлен первый словник, а выборки продолжались все время» [18: 455–456].

Д. Н. Ушаков, как указывал С. И. Ожегов, «внес едва ли не самый большой вклад в пополнение словника, считал это первейшей обязанностью каждого участника» [Там же: 456]. Правильно выбранная стратегическая линия, умелое и грамотное редактирование, привлече-

ние к работе настоящих профессионалов, среди которых все в той или иной мере не понаслышке были знакомы с практикой лексикографического дела, — все это обеспечило быстрое продвижение вперед задуманного начинания, которое, заметим, являлось делом государственной важности. «По-видимому, — констатирует С. И. Ожегов, — собираемый материал был успешным — рецензенты не указали серьезных пропусков» [Там же]. Но это не означает, что их не было...

Едва ли происходили такие эпизоды в русской истории, чтобы крупное начинание государственного масштаба — первый толковый словарь советской эпохи — прошло не замеченным критикой и вокруг него не строились бы баррикады клеветников и завистников, наступавшие по обе стороны «лингвистического фронта». И действительно, так случилось, что вскоре «Литературная газета» публикует крайне неприятную и лживую статью одного из «деятельных» языковедов-крикунов того времени В. Б. Аптекаря, который предпочел скрыться под инициалами своей сестры — искусствоведа М. Аптекарь, и канувшего в лету К. Казимирского. Это было начало кампании против Ушаковского словаря.

ТС1 в этом смысле являлся удобной мишенью в череде драматических событий в научной и общественной жизни страны. Газетные заголовки 1935–1936 гг., наряду с бесконечными вывесками стахановцев и статьями вроде «Литература большевистского оптимизма (ЛГ. 14 февр. 1934 г. С. 4), изобиловали разоблачениями: М. Илюкович. «Герцен глазами контрреволюционера» (о Каменеве-литературоведе) (ЛЛ. 5 марта 1935 г. № 10 (96). С. 3), «Враг под маской ученого» (о «лжепрофессоре» А. Чижевском, статья без подписи) (Пр. 25 дек. 1935 г. № 354 (6600). С. 4), «Раздавить гадину» (о «банде террористов» во главе с Зиновьевым и Каменевым, статья без подписи) (ЛГ. 20 авг. 1936 г. № 47 (610). С. 1), с одной стороны, и с другой — недвусмысленными переводами, как, например, перепечатка статьи Жоржа Иверно из журнала «Монд» с характерным названием «Продавцы слов», и т. д.

Д. Н. Ушакову и его команде приходилось держать оборону с нескольких сторон: от кли-

куш от науки с их политическими выводами и от собратьев по словарному делу и корифеев языкознания. Последние, как мы смогли убедиться из изученных нами документов, имели немало причин «не любить» ТС, и не только в силу какого-то личного нерасположения к Д. Н. Ушакову, всегда относившегося отрицательно к Н. Я. Марру и его сторонникам, но и по причине заинтересованности в собственном проекте⁴. Напомним, что тогда еще выходил отдельными выпусками академический «Словарь русского языка» (не окончен) и разрабатывался план нового словаря [17], где опыт Д. Н. Ушакова воспринимался довольно прохладно. В Инструкции 1936 года его даже не считали возможным упомянуть.

Для того чтобы яснее себе представить ситуацию, сложившуюся вокруг ТС1 после выхода I тома, обратимся подробнее к документальным материалам.

Статья К. Казимирского и М. Аптекарь [7: 4] называлась «Игруны» и как бы уже своим заголовком показывала нешуточную издевку над ТС и стремление «разоблачить» его составителей. Приведем начальные строки этого opus'a:

«„Игруны“ — множественное число от слова „игрун“, что, по уверению редакции „Толкового словаря русского языка“, означает: „шалун, любящий играть, резвиться“. Это, мягко выражаясь, несколько необычное слово применимо и к редакторам „Толкового словаря“, отнесшимся по меньшей мере „шаловливо“ к взятым ими на себя серьезнейшим обязательствам». Далее, цитируя фрагменты предисловия к I тому, рецензенты «проверяют», как же «ленинские установки» «проведены на практике». Они говорят: «Трудно считать общепринятыми в русском языке словами „кропотун, кропотунья, жрун, жрунья, едун, едунья, кормитель, боданный, вшивок, искряк, бодун, брезгун, брезгунья“. Читатели, которых не удовлетворяет форма „брезгун“, могут заменить ее аналогичным „брезгливец“».

«Приходится признать, — пишут они, — что указанные слова более походят на талантливую импровизацию, чем на общепринятые в русском языке слова». Сравним: чуть раньше М. Горький как раз советовал шире использовать опыт «словотворцев».

Авторов смущает и наличие в словаре непонятных им грамматических форм. «В самом деле, — недоумевают они, — при каких обстоятельствах действующее лицо может сообщать о себе: „я жереблюсь, кочусь, курлычу, бодаюсь, вылупляюсь, вскрываюсь“ и т. д.? Читатель не должен думать, что „Словарь“ оперирует исключительно словами животного мира. Тут же мы находим: „коллекционируюсь, конвейеризируюсь, кинофицируюсь, компостируюсь“ и т. д. Нужно обладать большой долей откровенности, чтобы сказать о себе „я доворовываюсь“». Рецензенты снова недоумевают, когда читают в ТС грамматические формы всех трех родов у слов «жеребий», «замужний», «беременный», «женатый».

Недовольство вызывает и большое количество «ругательных и вульгарных выражений» вроде «коричневая рвань», «вшивый чорт», «катись колбасой», «он меня так бабахнул», «он кочевал из кабака в кабака», «выпить по баночке» и т. п. Эти «перлы», как называют их К. Казимирский и М. Аптекарь, идут в разрез с указаниями В. И. Ленина и М. Горького — «объявить войну коверканию русского языка». «По счастью, — констатируют они, — наша литература и печать не говорят с миллионами трудящихся тем языком, который им приписывает „Толковый словарь“».

Но рецензенты не хотят выглядеть «односторонними» критиками и, как образец конструктивной полемики иного плана, приводят следующий тезис:

«Нет, сентиментальное восприятие действительности, отражаемое в языке, заставляет редакцию „Толкового словаря“ приводить множество сюсюкающе-ласкательных уменьшительных и детских слов: „<...> котёльчик, кровелька, килечка, киек, водочка, вещичка, вруша (с ласковой укоризной), деденька, девонька, дурашка <...>“».

Обилие таких слов, по их мнению, «трудно объяснить чем-либо, кроме пристрастия составителей».

«Иначе, — следует возражение критиков, — почему же нет „кадушечка“[,] если есть „бадеечка“, нет „гостинчик“[,] если есть „игрушечка“, нет „косячок“[,] если есть „кровелька“[,] и так до бесконечности».

Непонимание авторов рецензии вызывают «малоупотребительные» термины культа, причем они видят определенный уклон в сторону освещения православного богослужения в ущерб «терминов иных вероисповеданий». Но и это неглавное. Вызывает сомнение и то, что такие понятия вообще включены в словарь, хотя некоторые из них («брыс», «гой») не являются русскими словами.

К. Казимирский и М. Аптекарь сожалеют и о том, что некоторые предметы и явления, «не нуждающиеся» в описании (в их числе «кровать», «бюстгалтер», «брюки» и т. д.), получили прямо-таки исчерпывающую, энциклопедическую справку, что противоречит принципу ТС1 («словарь языка»). Неудачно, на их взгляд, объяснение слова «кукиш», а «важный обряд брудершафта» истолкован слишком детально...

Кроме других мелких замечаний, колкостей и придилок по поводу отдельных слов (на них корректно и точно ответил Д. Н. Ушаков в публикуемом ниже материале), рецензенты пытаются представить изданный том вообще в черном свете:

«Не следует считать, что мы специально выписывали особо неправильные слова, формы или объяснения. Достаточно открыть на любой странице этот „толковый“ словарь, чтобы буквально в каждом столбце наткнуться на подобные сокровища».

В итоге, перебрав все идеологические тезисы, они заявляют: «Ленинское задание о создании краткого словаря образцового современного русского языка по новому правописанию выполнено только в одном пункте — правописание действительно новое».

Не удовлетворяет авторов и ожидаемая перспектива: «выпустить три громоздких тома». «Предложенный Лениным образец — малый Лярус — никоим образом не похож на выпущенный словарь», — полагают они.

Наконец, в заключительной части своего «манифеста» К. Казимирский и М. Аптекарь бьют противника наверняка:

«Словарь не дает представления об образцовом русском языке. Пронизывающие „Словарь“ образцы мещанского, хулиганского и воровского жаргона, обилие примеров трактирно-рыночного быта делают его словарем отнюдь не того языка, „кото-

рым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся».

И далее:

«Нельзя назвать современным словарь с поповскими терминами, при резком недостатке терминов технических и особенно политических (отсутствует, напр., Красная армия, Красная гвардия и т. д.)⁵».

Завершается рецензия такими словами: «Выводы ясны: толковый словарь русского языка по[-]прежнему остается неосуществленной мечтой, а изданный государственным институтом „Советская энциклопедия“ в 45-тысячном тираже, размером в 128 авторских листов словарь является недопустимым примером вольного обращения с русским языком, заданием Ленина и советским читателем».

Вскоре после этой разгромной и грязной публикации в той же «Литературной газете» появился ответ Д. Н. Ушакова [22: 6] К. Казимирскому и М. Аптекарю. Ввиду его документальной ценности, считаем целесообразным привести полностью впервые с того времени текст этой статьи.

ВОКРУГ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ»

Статья К. Казимирского и М. Аптекря, посвященная первому тому, редактируемого мною «толкового словаря русского языка» («Л. Г.» № 58), — яркий образчик нелояльной критики. Вот несколько примеров, характеризующих критические приемы авторов упомянутой статьи:

1. авторы утверждают, будто в «Толковом словаре» нет таких политических терминов, как «Красная армия», «Красная гвардия» и т. п. На самом деле под словом «Гвардия» (столбец 545) читаем: «Красная гвардия (полит.) — революционные рабочие отряды, дружины. Возникшая в 1917 году Красная гвардия послужила первоначальным ядром Красной армии». «Красная армия» имеется в словаре в двух местах — в качестве примеров к словам «красный» и «армия».

2. Авторы статьи недоумевают по поводу того, что в словаре рядом со словом «Кахетинцы — племенное подразделение грузин» помещено слово «Кахетинка — ошибочно вместо кохинхинка». «Насколько мы понимаем в этнографии, — иронизируют критики... речь идет очевидно о курах». Но зачем тратить столько остроумия, когда в сло-

варе (столбец 1338) черным по белому напечатано: «Кахетинка¹ — женск. к кахетинец см. кахетинцы. Кахетинка² — ошибочно вместо кохинхинка». Нужно совершенно особыми глазами читать словарь, чтобы «не заметить», что в словаре дано рядом два слова «Кахетинка»: одно, обозначающее женщину, другое — курицу.

3. Авторы статьи цитируют: «корова — самка быка. Бык — самец коровы». Вот, как оказывается, легко составлять словарь русского языка. Но в словаре на самом деле напечатано: «Корова. Самка крупного домашнего рогатого скота, домашнее молочное животное, самка быка». И далее: «Самка некоторых других животных, например, лося». Таким образом ошибки в цитатах — это не случайность, а строгая система.

4. Авторы цитируют: «кофейница — гадалка на кофейной гуще» и снова истощают свое остроумие: «Почему же в таком случае „кофейник“ не самец „кофейницы“, а просто скромный сосуд для варки кофе?». На самом деле в словаре читаем: «Кофейница. 1) Ручная мельница для размалывания кофе. 2) Коробка для хранения кофе. 3) Гадалка на кофейной гуще (устар.)». Поистине удивительная способность читать не то, что напечатано.

5. Авторы статьи ухитрились «не заметить» даже обширной вводной статьи к словарю, занимающей 56 столбцов и озаглавленной «Как пользоваться словарем». Неудивительно поэтому, что они пользоваться словарем не умеют. Из этой статьи они узнали бы, что имеющиеся в словаре просторечные и вульгарные выражения помещаются в словарь не для их пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистического качества. Так, например, они узнали бы, что если при слове или выражении помещена помета «вульг.», то это означает, что слово или выражение «вульгарное, по своей бесцеремонности и грубости неудобное для литературного употребления». Соответствующие разъяснения наставительного или прямо запретительного содержания сделаны и при пометах «простореч.», «фам.», (фамильярное), «обл.» (областное). Но и здесь, следуя своему методу цитирования, авторы статьи «не заметили» также самой наличности таких стилистических помет при осуждаемых ими грубых выражениях.

6. Неумение авторов статьи пользоваться словарем сказалось также и в том, что у них вызывает недоумение объяснение слова «иоркширский», где говорится только о породе свиней. Из статьи «Как пользоваться словарем» авторы могли бы узнать,

что в словаре не помещены собственные имена, личные и географические. Отсюда следует, что производные от географических собственных имен приводятся только в тех значениях, которые не покрываются значением собственного имени. Поэтому под «Варшавянкой» в словаре говорится только о революционной песне, под словом «Боржом» — только о минеральной воде и т. д. Но все же и при слове «Йоркширский» дано объяснение: «По названию графства Iorkshire в Англии». Но авторы статьи, строго следуя своей системе, и эту помету, очевидно, «не заметили».

7. Утверждение авторов статьи, будто многие слова, помещенные в словаре, представляют собою «талантливую импровизацию» составителей и не являются «общепринятыми словами русского языка», может вызвать только удивление. Достаточно просмотреть примеры из Маяковского, Сельвинского, Лескова, Евдокимова, Достоевского, А. Майкова, Амфитеатрова и ряда других писателей под словами «игрун», «кропотун», «кормитель», приведенные в большом академическом «Словаре русского языка», чтобы убедиться в простой неосведомленности наших критиков. Такую же неосведомленность проявляют авторы статьи, когда об[в]яют выдуманными такие формы, как «беременный», «женатая», «жеребый», «жереблусь» и пр. Во-первых, и здесь они «не заметили» примеров: «Разве тебе не нравится женатая жизнь?» (Гоголь), «Насилие есть повивальная бабка старого общества, которое беременно новым» (афоризмы Маркса). Принятая система цитирования и здесь дает себя знать. Но помимо того, авторы не понимают противоречий между языком и действительностью. Ведь грамматический род — это не то же самое, что реальный половой признак. Грамматическое лицо — не то же, что реальное лицо, а потому в языке действующими лицами являются не только люди, но также животные и вещи. Поэтому естественно встретить в «Холстомере» Толстого выражения вроде «я заржал», «я побежал рысью», «мать моя ожеребила Лысого» и т. п. от слова «жеребиться» есть первое лицо, потому что когда нужно, мы уверенно скажем именно «жереблусь», а не «жеребаюсь» или «жеребуюсь». Но есть глаголы, в которых действительно нет первого лица, хотя они обозначают действие, легко выполнимое для человека, например, «дудеть» или «дудить». Как сказать — я «дужу», я «дудю»: «1-е лицо не употр.».

Только неосведомленностью можно объяснить утверждение авторов, будто такие слова, как

«замуслить», «замусолить» и соответствующие глаголы несовершенного вида, такие слова, как «крестинный» и «крестильный», являются «бесчисленным смакованием одного слова»; будто бриллианты не бывают не из алмазов и т. д. Уже и приведенных примеров достаточно для того, чтобы судить о качествах статьи К. Казимирского⁶ и М. Аптекаря. Это не критика, в которой словарь, разумеется, всячески нуждается, а проявление желания очернить в глазах советского общественного мнения серьезное культурное начинание. Конечно, в словаре много недостатков, в нем есть и прямые ошибки, но авторам статьи удалось указать только на один действительный промах в словаре — на ляпсус, допущенный в слове «колонновожатый».

Проф. Д. Н. УШАКОВ

После текста статьи Д. Н. Ушакова «Литературная газета» сделала следующую ремарку:

«Помещая письмо проф. Д. Н. Ушакова, редакция считает, что обсуждение „Толкового словаря русского языка“ не исчерпывается статьей Казимирского и Аптекаря. В ближайших номерах „Литературной газеты“ будет помещен еще ряд статей о Словаре. Итоги обсуждения такого большого и культурного начинания, как „Толковый словарь русского литературного языка“, редакция подведет в специальной редакционной статье».

Однако, по нашим разысканиям, других заметок о ТС1 так не появилось на страницах ЛГ⁷, как и не вышла объявленная «редакционная статья». Хотя, по-видимому, подобные материалы направлялись в газету (об одной такой статье, известной нам и сохранившейся в фондах Архива РАН, мы скажем позднее), но обсуждение ТС1 — и это осознавали все — вопрос не только сугубо научный, а в то время еще и политический с возможными последствиями. Так что с газетных полос полемика переместилась в институты, большевистскую печать, педагогические и литературно-художественные издания.

Составители не всегда приходили к единодушному мнению. Б. А. Ларин в 1935 году уже после издания I тома и его обсуждения в Институте языка и мышления в Ленинграде сочувственно признавался Д. Н. Ушакову:

«Даже Щерба, например, в беседе говорил о том, что, вероятно, по моей вине Т<олковый> Сл<оварь> перегружен арготизмами. Я молчу, но по совести должен сказать, что ни материалов своих по аргю я никогда не сообщал, не вливал в словарь, ни в написании «арготических» слов не участвовал специально как арго-спец, и никогда не настаивал на широком включении этого материала, <...> — а уже меньше всего виновен в пометах (злоупотребление пометой «арго», сколько я понимаю, — печальное наследство Виноградовской редактуры). Я бы сам с удовольствием нападал на эти вещи со знанием дела (говорю это[,] конечно[,] только Вам), а надо изворачиваться и изобретать доводы в защиту этой порочной аргологии. В этом сейчас трагизм, нестерпимая стесненность положения. Будь нормальная атмосфера обсуждения, я бы и выступил с большим самокритическим и обезоруживающим докладом. А надо, сцепив зубы, бить врага, не уступая «ни пяди», ни одной буквы. Я думаю, Вы правильно поймете меня» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 136. Лл. 9–9 об.).

Как видим, и в самой среде словарников — составителей Толкового словаря — часто не было согласия. Архивные документы донесли до нас отголоски и другой внутриредакционной дискуссии. В 1932 году обсуждался вопрос о стилистических пометах в словаре. В. В. Виноградов выступил против предложений Б. А. Ларина и Б. В. Томашевского. Суть их спора хорошо прослеживается из письма Б. А. Ларина Г. О. Винокуру от 3 июня 1932 года:

«После длительных переговоров с Бор<исом> Викт<оровичем> мы все же не находим возможности согласиться с оставлением помет „вульг.“ и „простореч.“ Однако, как и подобает пай-мальчику, не имеет ни резонов, не решимости выступить против мнения своего учителя. Но мы никак не приемлем Виноградовского цеплянья за лоскутья старой академичности и отвергаем эти пометы, как слишком анахроничные. Вульг. мало понятно и претенциозно, надо „груб“. А вместо „простореч.“ надо масс. (=массовый разговорный). Раз нет уже „простых“ людей и „простой речи“, нельзя употреблять „простореч.“, тем более, что оттенок пренебрежения и наивного пуризма в этом очень явственно ощущался бы» (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 304. Л. 3).

В декабре 1935 года произошло, пожалуй, самое драматическое событие в истории создания Толкового словаря — дискуссия в ленинградском Институте языка и мышления. «Аптекариада» — так назвал ее С. И. Ожегов в собранном им корпусе писем участников обсуждения ТС. Толчком к этому послужила упомянутая статья К. Казимирского и М. Аптекаря с жесткой, безграмотной и беспринципной критикой только что выпущенного I тома, подвергнувшей гнусной фальсификации не только саму идею создания словаря современного русского литературного языка, но грубо «подтасовавшей» многие примеры, приведенные авторами в качестве аргументов с далеко идущими выводами. Дискуссия о ТС1 фактически имела своей целью идеологическую сторону: под прикрытием «научного обсуждения» всеми возможными средствами скомпрометировать издание, заменить или уничтожить его коллектив, а Толковый словарь превратить в оружие государственной власти. Это хорошо видно из откликов С. И. Ожегова и Б. А. Ларина по поводу «Игрунов» и сохранившихся лингвистических зарисовок участников тех событий.

Итак, публичное обсуждение ТС1 в северной столице происходило трижды, в ноябре-декабре 1935 года. Намечался также еще и «общегородской пленум» в Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания, готовившийся Л. П. Якубинским, с привлечением писателей, журналистов и педагогов (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 136. Л. 5), который, по-видимому, не состоялся по причине ожидаемого «переформировывания» учреждения и изменившейся атмосферы (там же, лл. 18–18 об.).

Первое заседание происходило 23 ноября 1935 года в Институте языка и мышления.

Следующее, под председательством академика Б. М. Ляпунова, состоялось там же 11 декабря и «прошло, — как выразился Б. А. Ларин, — не в нашу пользу» (л. 7). Первым докладчиком был языковед и диалектолог И. А. Фалев, знакомый с проблемами лексикографии по работе в академическом «Словаре русского языка» и потому, очевидно, не имевший цели уничтожить издание, хотя, по мнению Б. А. Ларина, «он защи-

шал очень кисло, хвалил глуповато, ругал бездарно» (л. 7 об.). С. И. Ожегов в письме Д. Н. Ушакову от 17 декабря 1935 года передавал, что «Фалев сделал доклад, вполне благожелательный, иногда даже хвалебный <...>, а потом в нудном академическом штиле критиковал по мелочам <...>» (л. 10 об.). Последовавшее далее выступление В. Б. Аптекаря — основного обвинителя на «процессе» по ТС1 — было исполнено в подобающих этому персонажу тонах: он говорил «о вредительстве и политической преступности⁸ ряда определений», «о поповском и мещанском идеологическом базисе» (л. 8 об.) словаря и т. п. Как сообщали об этом в письмах к Д. Н. Ушакову Б. А. Ларин и С. И. Ожегов, его речь почти полностью повторяла статью — «точный сколок „Игрунов“, „только выпады грубее, обвинения доносительнее (на тему о радости врагов), примеров набрано значительно больше» (л. 10 об.). Он выступал с «громовой» речью два с половиной часа, и прения по докладам в этот день так и не состоялись. В заключение было принято решение перенести их на 23 декабря. Присутствовали и все «атрибуты» полемики: «„молодежь“ торжествовала» (л. 11), «группа друзей человек в 10 была, но дебоширить не решалась» (л. 8 об.).

В назначенный день прений, длившихся с 16.30 до 23.30 и вызвавших всплеск лингвистических и не только эмоций, выступил С. П. Обнорский, который в данной ситуации оказался на стороне марристов. Его доклад Б. А. Ларин назвал «наиболее подлым и вредным» (л. 17) и пересказал основные тезисы: «он признает только одно достоинство у авторов ТС — это их дерзость⁹»; «он считает ТС образцом отрицательным, не велит своим сотрудникам следовать ему» (л. 17). Из ученых, поддержавших Д. Н. Ушакова и его соратников, с речами к аудитории обратились Е. М. Иссерлин — «остро уличала его (т. е. Аптекаря. — О. Н.) в политическом мошенстве», Р. О. Шор — «очень убедительно вскрыла обывательскую скудоумность ряда обвинений», Л. В. Щерба — «хвалил нас до ужаса (Erochemachendes Werk, произведение, „гораздо выше Даля“)» (л. 17 об.). Мужественно держали оборону (они ведь готовились к бою — это сло-

во не раз звучит в их письмах) Б. В. Томашевский, С. И. Ожегов и Б. А. Ларин (Г. О. Винокур и Д. Н. Ушаков не участвовали в заседаниях). По окончании прений «Ляпунов предложил выразить благодарность составителям за ценнейший труд, хлопал в ладоши (но поддержан не был) <...>» (л. 17 об.). В этом же письме Б. А. Ларин подвел такой неутешительный итог: «Победителями нас никак назвать нельзя, хотя противник и был сильно побит и обещен¹⁰. В кругах наиболее культурных наша защита Толкового Словаря признана блестящей и по организованности[,] и по форме[,] и по содержанию, но средний и запуганный слушатель ушел под впечатлением „острых и неопровержимых“ политических обвинений, под впечатлением длинного ряда высказываний об антисоветскости и буржуазном тоне и содержании Т<олкового> Сл<оваря>» (л. 16).

Мы не станем в деталях пересказывать все моменты дискуссии. Скажем только, что в силу разных обстоятельств издание последующих томов, уже готовых к печати, приостановили. Ввиду полученного громкого резонанса, приняли решение к пересмотру отдельных статей и уточнению их «марксистского» толкования. Для этого словарь, начиная со второго тома, стал официально курировать известный партийный деятель Б. М. Волин, который, впрочем, мало что понимал в лексикографии. С одной стороны, составителей урезали в правах и, сопротивляясь, они вынуждены были подчиняться решениям «сверху», но с другой (и это главное) — все участники Ушаковского словаря избежали печальной участи быть ссыльными и заключенными. А такая угроза существовала, ведь «репутация» Толкового словаря страдала еще и оттого, что один из его участников, В. В. Виноградов, как раз именно в самую полемическую пору был репрессирован и провел два года, с 1934 по 1936-й, в Вятке [2: 197]. Вернувшись, он уже не участвовал в работе над II–IV тт., но его имя на титуле было восстановлено. Получился такой парадокс, о котором рассказала Т. Г. Винокур:

«После ареста В. В. Виноградова его имя было снято со шмуцтитула „высочайшим повелением“. Известно, что Дмитрий Николаевич добился приема у В. М. Молотова и настоятельно просил о сохране-

нии имени В. В. Виноградова в перечне составителей первого тома, на что получил ответ: „Профессор, это невозможно!“ <...> И, таким образом, сложилось парадоксальное положение: его имя значилось в томах, над которыми он, в связи с трагическими обстоятельствами своей жизни, не работал, и, наоборот — не значилось в первом томе, активным соавтором которого он был» [19: 79–80].

Итак, дальнейшая судьба Толкового словаря оставалась по-прежнему неопределенной. Кроме политических причин, возникали и бесконечные издательские трудности, недостаток финансирования т. д. Из имеющихся у нас отрывочных записей С. И. Ожегова на отдельных листках (на некоторых из них отсутствует полная датировка, но все они относятся к периоду 1937–1938 гг.) можно представить, какова была непротокольная жизнь словаря:

23/VII

Уволен Силонов, обещания уплатить гонорар остались, след<овательно>, обещаниями.

Капустин сказал, что на днях будет новое лицо.

28/VII

Назначена Кочмержевская.

Женщина милая, но денег нет. И дел не знает (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 139. Л. 59).

29/VII–37

Говорили с Кочмержевской. Денег нет и когда будут — неизвестно. Да и где будет после предполагаемой реорганизации Т. С. — неизвестно тоже.

Готовы гранки на Л и М к верстке. Н читаю. О еще не набирают (там же. Л. 60).

31/VIII–37

24го Грудскому в Главлит были посланы гранки на Л. Только сегодня удалось с ним встретиться. Оказалось, что гранки они уже не будут читать, а только сверку.

Говорил с Волиным о слове *метрополитен*. Согласился.

ГИСЕ реорганизовался в 3 изд<ательст>ва: МСЭ, БСЭ и Словарей. Денег ГИСЭ не платит. Теперь понятно, почему Силонов месяц тому назад распорядился, по словам Марусова, не платить Т. С. до особого распоряжения.

Куда Т. С. — неизвестно. Совещались у Д. Н. [Ушакова. — О. Н.], был Г. О. [Винокур. — О. Н.]. Ни к какому решению не пришли, но по сути дела надо быть в Слов<арном> изд<ательст>ве (л. 64).

2/VIII–37

Волин назначил встретиться в 1 час дня. Приехал в 11, началось совещание по атт<еста-ции> учителей, а в 1¼ дня уехал на прием в ВОКС. Встреча не состоялась (л. 63).

1/VIII–38

Говорили с Волиным по телефону. Он знает о том, что Т. С. передают в Слов<арное> изд<ательст>во <...>. На самом деле вопрос еще не решен. Спрашивал у меня, где Словарю будет лучше.

Говорил с Ингуловым о необходимости чтения Главлитом гранок. Обещал «потолковать» с Волиным <...> (узнал от Волина, что «толковали»<, > и Ингулов обещал разрешить вопрос). Как — осталось неизвестным. <...> (л. 61).

1/VIII

Было видно, что если попадем туда, не избегать будет мелочного вмешательства в дела редакции и составителей. Изложил ей о положении Т. С. Сидел с ней новый зав<едующий> произв<одственным> отд<елом> Нестеров. На все смотрят с тех<произв<одственной> точки зрения. Говорит, однако, что Т. С. может включен на основе полной финансовой автономности, со своим бюджетом; а они будут обслуживать редакционные (!).

Мещеряков предлагал Ингулову взять Т. С. в МСЭ.

Говорил с Волиным. Он будет писать письмо Брокку, чтоб Т. С. включили в Слов<арное> изд<ательст>во.

Начали набирать «о» (л. 62).

Все эти «технические» записи — отчасти отголосок событий 1935 года и бурной полемики о словаре в печати, несколько затормозивших выпуск очередных томов. Сейчас сложно сказать абсолютно достоверно о том, что или кто спас Толковый словарь от почти неминуемой гибели, которая в силу «исторического момента» могла оказаться трагедией и для участников этого проекта. Но все они, к счастью, за исключением В. В. Виноградова, избежали ссылок, ареста и еще более страшных испытаний. Думаем, что большую роль в этом сыграли несколько факторов. Во-первых, с концептуальной точки зрения словарь не создавался на пустом месте, а имел традицию, с которой, хотим мы того или нет, приходилось считаться, тем более что она все время соот-

носила с именем Ленина. Во-вторых, Толковый словарь имел влиятельных товарищей в партийной среде — Б. М. Волина, Н. Л. Мещерякова, С. Б. Ингулова, вовлеченных в работу и потому не способствовавших ее развалу. Наконец, самая высокая инстанция в лице В. М. Молотова также, полагаем, была заинтересована в завершении издания. Д. Н. Ушаков осторожно писал об этом в юбилейной заметке:

«Но тревожные моменты наступали и позже — причина, по которой издание так затянулось, — и каждый раз нас выручал Вячеслав Михайлович. Так, после выхода первого тома дело страдало и прерывалось, например, от отсутствия авторитетной и квалифицированной политической редакции. Мнение Вячеслава Михайловича, что словарь надо довести до конца, позволило нам довести работу до последнего тома» [23: 3].

Очевидно, вскоре после авторитетных указаний «сверху» и титанической работы самого авторского коллектива по пересмотру ранее подготовленного материала, согласованию его с многочисленными инстанциями и т. п. бюрократических издержек, очередные тома ТС2 уже четко выходили год за годом: II — 1938 год, III — 1939 год, IV — 1940 год. Таким образом, он стал «первым законченным словарем в русской толковой лексикографии» [10: 359]¹¹. Но не стоит думать, что ушаковская «дипломатия» (без нее нельзя обойтись) была подчинена конъюнктурным, корпоративным целям и свои часы сверяла с «генеральной линией». Здесь уместно привести высказывание С. И. Ожегова, вспоминавшего, между прочим, что даже в такой жесткой обстановке погромов и проверок авторитет и компетентность Д. Н. Ушакова были настолько сильны, что «в то время, когда все рукописи подвергались предварительному рецензированию или обсуждению, рукопись Т<олкового> сл<оваря> от Д. Н. непосредственно шла в издательство и типографию» [18: 458].

При всей жесткости политики в области языкознания в 1930-е гг. «Ушаковский словарь» показал подлинные ориентиры современной лексикографии: нормативность, литературный язык, грамотность в отборе и толковании лексических единиц, широкий общефилологический и культурный кругозор. Даже в условиях сильного идеологи-

ческого давления он смог противостоять марровским позициям в науке, сохранить четкие академические традиции в теории и практике создания толковых словарей и поныне является ориентиром в подготовке нормативных тезаурусов XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так в тексте. Правильно: Шмидту.

² Из текста письма, однако, до конца неясно, какой словарь имеет в виду М. Горький. Но в любом случае эта его «лексикографическая» ремарка весьма примечательна.

³ По-видимому, имеется в виду Народный Комиссариат Труда.

⁴ Однако и они не избежали «встряски», находясь, конечно же, в более безопасном, чем составители ТС, положении. По словам В. М. Алпатова [1: 109-110], «в ноябре 1933 г. неприятности впервые коснулись и Института языка и мышления. В картотеке Академического словаря <...>, группа составителей которого во главе с С. П. Обнорским была поглощена Институтом языка и мышления за два года до этого, были обнаружены „политические дефекты“. Было признано, что Словарный отдел института „не перешел на позиции нового учения о языке“. <...> многолетняя работа над словарем стала свертываться, а в 1937 г. в связи с „политическими дефектами“ была прекращена (С. П. Обнорский, впрочем, не пострадал)».

⁵ См. ниже ремарку Д. Н. Ушакова по этому поводу.

⁶ В опубликованном тексте опечатка «Н. Казимирского».

⁷ В опубликованной В. В. Виноградовым работе «Толковые словари русского языка» ошибочно дана сноска на «статью Д. Н. Ушакова» в «Литературной газете» 1938 г., № 63 [3: 238]. На самом деле цитируется фрагмент из другой публикации Д. Н. Ушакова [22: 6], появившейся тоже в ЛГ.

⁸ Подчеркнуто Б. А. Лариним.

⁹ Подчеркнуто Б. А. Лариним.

¹⁰ В этой фразе все слова подчеркнуты Д. Н. Ушаковым.

¹¹ Подробнее о составе ТС, его отличиях от других словарей, достоинствах и т. д. см. у Р. М. Цейтлин [24: 111-123].

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Архив РАН — Архив Российской академии наук (Москва).

ЛГ — Литературная газета (Ленинград).

ЛЛ — Литературный Ленинград (Ленинград).

Пр. — Правда (Москва).

ТС1 — Толковый словарь русского языка. Т. 1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934.

ТС2 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

2. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. акад. Н. И. Толстой. М., 1994.

3. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Виноградов В. В. Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 206-242.

4. Власов А. Где учебники по языку? // Большеви́стская печать: Журн. ЦК ВКП(б). М., 1934, № 12. С. 30.
5. Горький М. О бойкости // Правда, 28 февр. 1934, № 58 (5944). С. 2.
6. Горький М. О языке // Правда, 18 марта 1934, № 76 (5962). С. 2.
7. Казимирский К., Аптекарь М. «Игрыны» // Литературная газета, 20 окт. 1935, № 58 (549). С. 4.
8. Кусикьян И. Индоевропеистика в действии // Просвещение национальностей: Общественно-политический и научно-педагогический журн. М., 1931. № 11–12. С. 97–102.
9. Кусикьян И. Очередные задачи марксистов-языковедов в строительстве языков народов СССР // Просвещение национальностей: Общественно-политич. и научно-педагог. журн. М., 1931. № 11–12. С. 72–79.
10. Левашов Е. А. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998. С. 346–366.
11. Мецшерыков Н. Л. О советском толковом словаре. Ответ т. Власову // Большеви́стская печать: Журн. ЦК ВКП(б). М., 1934, № 12. С. 31.
12. Никитин О. В. Ad memorandum. Г. О. Винокур: «Как перед Богом говорю...» (История одного письма) // Studia Russica. T. XVI. Budapest, 1997. С. 3–35.
13. Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
14. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): Монография. Славянск-на-Кубани, 2012.
15. Никитин О. В. Забытая картотека, или Судьба русского «Лярусса» // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 13–22.
16. Никитин О. В. «Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря) // Русская речь. 2016. № 3. С. 51–62.
17. Обнорский С. П. Словарь русского языка. Инструкция для редакторов, составленная С. П. Обнорским. М.; Л., 1936.
18. Озегов С. И. 30-летие со дня начала работы над словарем Д. Н. Ушакова // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Озегова. М., 2001. С. 453–458.
19. Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) [публикация Н. Д. Архангельской и Т. Г. Винокур] // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1992, Т. 51, № 3. С. 63–81.
20. Толковый словарь русского языка. Т. 1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934.
21. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
22. Ушаков Д. Н. Вокруг «Толкового словаря» // Литературная газета, 15 нояб. 1935, № 63 (554). С. 6.
23. Ушаков Д. Н. Судьба одной ленинской идеи // Правда, 9 марта 1940, № 68 (8114). С. 3.
24. Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М., 1958.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. (1991) Istorija odnogo mifa: Marr i marriзм. Moscow. (in Russian)
2. Ashnin F. D., Alpatov V. M. (1994) “Delo slavistov”: 30-e gody / Otv. red. akademik N. I. Tolstoj. Moscow. (in Russian)
3. Vinogradov V. V. (1977) Tolkovyje slovari russkogo jazyka. In: Vinogradov V. V. Izbrannyje trudy. Leksikologija i leksikografija. Moscow, pp. 206–242 (in Russian)
4. Vlasov A. (1934) Gde uchebniki po russkomu jazyku, Bol'shevistskaya pečat': Zhurnal CK VKP(b), № 12, p. 30. (in Russian)
5. Gor'kij M. (1934) O bojkosti, Pravda, 28.02.1934, № 58 (5944), p. 2. (in Russian)
6. Gor'kij M. (1934) O jazyke, Pravda, 18.03.1934, № 76 (5962), p. 2. (in Russian)
7. Kazimirskij K., Aptekar' M. (1935) “Igruny”, Literaturnaya gazeta, 20.10.1935, № 58 (549), p. 4. (in Russian)
8. Kusik'jan I. (1931) Indojeuropeistika v dejstvii, Prosvechshenije nacional'nostej: Obchshestvenno-politicheskij i nauchno-pedagogicheskij zhurnal, № 11–12, pp. 97–102. (in Russian)
9. Kusik'jan I. (1931) Ocherednyje zadachi marksistov-jazykovedov v stroitel'stve jazykov narodov SSSR, Prosvechshenije nacional'nostej: Obchshestvenno-politicheskij i nauchno-pedagogicheskij zhurnal, № 11–12, pp. 72–79. (in Russian)
10. Levashov E. A. (1998) Tolkovyj slovar' russkogo jazyka pod red. D. N. Ushakova. In: Istorija russkoj leksikografii / Otv. red. F. P. Soroколетов. St.-Peterburg, pp. 346–366. (in Russian)
11. Mechsheryakov N. L. (1934) O sovetskom tolkovom slovare. Otv. t. Vlasovu, Bol'shevistskaya pečat': Zhurnal CK VKP(b), № 12, p. 31. (in Russian)
12. Nikitin O. V. (1997) Ad memorandum. G. O. Vinokur: “Kak pered Bogom govoryu...”, Studia Russica. Vol. XVI. Budapest, pp. 3–35. (in Russian)
13. Nikitin O. V. (2004) Zabytyje stranitsy russkoj leksikografii 1920-h gg. (predystorija “Ushakovskogo slovary”), Russkij jazyk v nauchnom osvechshenii, № 1 (7), 195–228. (in Russian)
14. Nikitin O. V. (2012) Oчерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (tolkovye slovari): Monografija. Slavyansk-na-Kubani. (in Russian)
15. Nikitin O. V. (2016) Zabytaja kartoteka, ili Sud'ba russkogo “Larusса”, Mir russkogo slova, № 1, pp. 13–22. (in Russian)
16. Nikitin O. V. (2016) “Ushakovskaja epopeja” (neizvestnyje stranitsy znamenitogo slovary), Russkaja rech, № 3, pp. 51–62. (in Russian)
17. Obnorskij S. P. (1936) Slovar' russkogo jazyka. Instrukcija dlya redaktorov, sostavlenaja S. P. Obnorskim. Moscow; Leningrad. (in Russian)
18. Ozhegov S. I. (2001) 30-letije so dnya nachala raboty nad slovaryom D. N. Ushakova. In: Slovar' i kul'tura russkoj rechi. K 100-letiju so dnya rozhdenija S. I. Ozhegova. Moscow, pp. 453–458. (in Russian)
19. Pamyati D. N. Ushakova (k 50-letiju so dnya smerti) [publikacia N. D. Arkhangel'skoj i T. G. Vinokur] (1992), Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. Vol. 51. № 3, pp. 63–81. (in Russian)
20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. (1934) T. I / Pod. red. D. N. Ushakova. Moscow. (in Russian)
21. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. (1935–1940) V 4-h t. / Pod. red. D. N. Ushakova. Moscow. (in Russian)
22. Ushakov D. N. (1935) Vokrug “Tolkovogo slovary”, Literaturnaya gazeta, 15.11.1935, № 63 (554), p. 6 (in Russian)
23. Ushakov D. N. (1940) Sud'ba odnoj leninskoi idei, Pravda, 9.03.1940, № 68 (8114), p. 3 (in Russian)
24. Tsejtlin R. M. (1958) Kratkij oчерk istorii russkoj leksikografii (sl-ovari russkogo jazyka). Moscow. (in Russian)